

К 25-летию расстрела российского парламента

Поэтесса Надежда Кондакова – вдова прекрасного поэта Бориса Примерова, который обещал, видя творящееся после 1993 года: *Когда-нибудь, достигнув совершенства, Великолепный пятимостный ямбом, Цезурами преображая ритмы, Я возвращусь в советскую страну, В союз советских сказочных республик...*

Но Кондакова так не хочет возвращаться в сказочный союз, что ринулась защищать писателей – идеологических вдохновителей расстрельщиков Верховного Совета и конституции. Я в эти скорбные дни вспомнил о трагических событиях и написал понятную заметку “Иней 93-го”. Ведь каждый русский человек, даже атеист, а уж тем более верующий, как, например, президент Владимир Путин, внутренне осознаёт, насколько кошмарным было обнародование указа 1400 “О поэтапной конституционной реформе” президентом Борисом Ельциным именно в День Рождества Богородицы – 21 сентября, в день Покровительницы России и русской государственности. По задумке антироссийских чёрных сил был нанесён этот символический удар – какие там два эказарха на Украине!

Родная Москва оказалась в эпицентре страшных событий. Как правило, в день Покрова, в середине октября, выпадает первый снег – как лёгкий омофор покрывает землю, пусть и ненадолго. В кровавую осень 1993-го года он выпал намного раньше, словно Богородица хотела предупредить страшные события, отсудить пыл, но дьявольские силы – было уже не удержать... Кое-кто из мнимых миротворцев утверждает, что нет смысла беречь раны, возводить новые баррикады, но я убежден, что, пока не будет дана всенародная нравственная оценка этой трагедии, пока клика, развязавшая её, не будет всенародно осуждена, никакое демократическое, справедливое общество – не может быть построено. Об этом ясно сказано в писании: “Горе строящему на крови”. Такое государство – криминально-олигархическое, людоедское – и построили. Пенсионная реформа – очередное проявление его сути.

Юридическую оценку событиям давним-давно дал тогдашний генеральный прокурор (ставленник Ельцина): “Допросив тысячу военнослужащих, мы получили следующие доказательства: никаких мирных переговоров в промежуток времени между событиями 3-го и 4-го октября не велось – был отдан приказ штурмовать немедленно... Следовательно, события 4-го октября надо квалифицировать как преступление, совершенное на почве мести, способом, опасным для жизни многих, из низменных побуждений”. Генеральный прокурор РФ Алексей Казанник (“Деловой мир”, №95(928) 1994 г.)

Что тут добывать? Разве то, что только в России прямые организаторы, подстрекатели, вдохновители страшных событий могут оставаться на плаву, в политике и культуре. Это относится и к писателям, подписавшим расстрельное письмо, и такому непотопляемому политикому как Григорий Явлинский. Многие забыли, что самую пламенную речь с кровавыми призывом к насилию и “максимальной жестокости” произнес Явлинский в ночь с 3 на 4 октября по каналу РТР:

“Уважаемые граждане! Сегодня, к сожалению, не время обсуждать, почему так получилось, почему пролилась кровь... Сегодня Ельцин Борис Николаевич должен применить всё, что есть в его распоряжении, – в смысле сил безопасности, Министрства внутренних дел – для подавления применения силы со стороны фашиствующих, экстремистских, бандитских формирований, собранных под эгидой Белого дома... Если этих сил будет недостаточно, необходимо

рассмотреть вопрос об использовании вооруженных сил регулярных. Другого выхода у нас сегодня нет. Президент должен проявить максимальную жесткость и твердость в подавлении бандитствующих элементов”.

Да, в распоряжении Ельцина оказались даже снайперы и водители БТРов – байтаровцы, самые безжалостные войки! По совету яблочника и регулярные войска были использованы против своих граждан. Я просто не знаю большего преступления на своём веку! Это было чудовищно, это не укладывалось в голову и в сердце! Но Явлинский со своим наглоттяжёлым взглядом – не кается, снова участвовал в выборах президента. И за него – кто-то голосовал. Мрак!

Показательный расстрел парламента разда-

СМИ, но, слава Богу, что никогда уже сторонники Ельцина, сколько бы памятники ему ни поставили, – не будут в большинстве.

Каждую осень я вспоминаю, как мерзко повели себя некоторые писатели, в том числе всенародно известные, и обласканные властью? В “Известиях” 5 октября того подлого года было опубликовано письмо 42 писателей президенту – открыжка 37 года. Требование расправиться с оппозицией – “эти тупые негодяи уважают только силу!” – подписали хрупкая Ахмадулина, интеллигентный Гранин, Деметьев в Израиле (потом отказывался), “совесть нации” Лихачев, певец “рабочей темы” Осмокий, асфальтовый фермер Черниченко. Последней стояла почему-то, вопреки

дакова решила выдать нам обоим, так сказать, от лица либеральной общественности:

Надежда Кондакова: *Ну, что ж, Лида, всегда приятно сознавать, что ты чист, аки агнец божий – перед миром и людьми. Не-что подобное “доброхоты”, думаю, просили “передать” и Цветаевой, открыто вставшей на сторону “белых”, написавшей свой “Лебединый стан”, и Блоку “не подавали руки” чистые и “дально-*

Александр БОБРОВ

Иней 93-го и поэтесса?

вил российский федерализм, показал и предопределил в дальнейшем бессилие не только официальной оппозиции, но и региональных властей. Прошло уже 25 лет, люди стали забывать (или сознательно вычеркивать из памяти) те страшные события, но, как показывают все социологические опросы, нет никого,

русскому афлавиту, подписи Астафьева...

Письмо вошло в историю подлости и продажности либеральной интеллигенции, но мало кто знает о другом послании “инженеров человеческих душ”. Если призывы покарать отступников, расстрелять врагов народа, “раздавить гадину” свежестью не отличались,

видные” улавливатели, куда ветер дует, а потом сами переменялись и писали о нем диссертации. Гражданская война продолжалась, вернее, её усиленно раздувают желющие реванша. А на том Суде, который нас ждет всех, каждый ответит за себя сам.

Лидия Григорьева: *Не в осуждение, а в изумление, Надя, было мною сказано. И речь не о чистоте “руз” – не передевай. Я не одна такая. Бок о бок со мной был поэт Равиль Бухараев и многие наши литературные друзья. Не замарались “участием”. И я руку не отдерну. Это не обо мне. Жаль, что не понимаешь, о чем я: не вырубить топором... Зачем они это делали, не понимаю и не пойму. Мой отец заповедал мне подписывать только личные письма. Это credo. И оно у каждого своё.*

Ну, тут Надежда разразилась, упоминая каких-то неназванных троих. Думаю, что Борис Примеров – никак в это число не входил: “Я твердо знаю только одно, мы вдвоем не подписали знаменитое “письмо 42-х”, потому что его стилистика “раздавить гадину” не вписывалась в наше понимание, что возможно танками лупить по своему парламенту. Но я твердо знаю, что Анпилов и Макашов, дорвавшись до власти, как и их предшественники в октябре 17-го, действительно сгребали бы людей и вагонами “отправляли на Колыму”, в лагерь, вешали и расстреливали. (Ой-ой – вагонами, да уже и ж/д развалили. – А.Б.) И подмахивающие им на ходу коммунисты-реваншисты из писательской среды (вы только почитайте “Московский литератор” тех лет!) писали бы не слезные письма в “любимый ЦК” о закрытии демократических (слова либеральных – еще не было в ходу!) газет и журналов, а сочиняли доносы, измышляли и лгали, как они это делали сто лет назад с нашими родственниками и всегда будут делать”.

О как! – не подлое письмо, а – “знаменитое”, от которого Андрей Деметьев, скажем, отмылся всю жизнь: “Обманули, не зачитали текст по телефону!”. А тут – гордится просто да ещё Боброва из разваливающейся пристражии обвиняет в приспосовленности и корыстолюбии: “И про принцип, “не судите, да не судимы будете” всем тошило бы не забывать. И Саши Боброву, и лайкающим его нечестно написанное про Переделкино”. Эти попрёки я открыл, когда просматривал почту в дороге на Карельском перешейке, где каждое восхлиие, каждая пойма помнят страшные бои за нашу Советскую Родину. Перебранку Кондаковой в Фейсбуке, о которой, к слову, нигде не было сказано ни слова (на воре шапка горит?), открыл в машине, которая увозила меня от страшного и магического места на земле – холма в лесной чаще, где рухнул на финские позиции горящий бомбардировщик старшего брата. Долго искали, потом долго стояли с сыном и командиром поискового отряда Германом Саксом над алюминиевыми

кто посчитал бы виновными в кровавых событиях некие “фашиствующие бандитские формирования”. Чаще всего называют лично Ельцина и властную группировку, иногда включая сам парламент, реже всего – коммунистов, но никто – “бандитствующие элементы”! Опрос ФЦИОМ в 2013 году показал растерянность опрашиваемых: считали, что правда в октябре 1993 года была на стороне Верховного Совета – 20%, а тех, кто считал, что прав был Ельцин, в два раза меньше – 9%. Остальные затруднились ответить на этот вопрос. К тому же 43% россиян были уверены, что если бы победу одержал Верховный Совет, страна развивалась бы иначе, и только 15% думали, что она шла бы по такому же пути. В 2017 году Левада-центр провёл свой хитрый опрос, но получил похожие результаты: 16% считают, что были правы сторонники Верховного Совета, 13% – сторонники Бориса Ельцина. Аж 27% опрошенных думали, что “в какой-то мере были правы и те, и другие”, а 22% придерживались мнения, что “ни те, ни другие”, и столько же респондентов (22%) затруднились ответить. Это говорит о смятении в умах, о беспомощности в сограждан, о работе пропагандистов в

то письмо девяти в администрацию президента не имеет аналогов в истории даже либеральной интеллигенции. Под доносом, требующем запретить Союз писателей России, Московскую писательскую организацию, газет “Литературная Россия”, “Московский литератор” и журнала “Наш современник” подписались М.Кудимова, А.Иванченко, А.Анфиногенов, И.Золотусский, Ю.Нагибин, Н.Панченко, А.Приставакин, Р.Солнцев, Ю.Черниченко. Впервые в истории отечественной литературы не Бенкендорф, не Аракчеев, а сами же литераторы, которых иначе как негодаями теперь и называть нельзя, требовали кары для... литературы. Пусть неугодной, неприемлемой, но требовали расстрела не для врагов (к такому нам не привыкать), а для дела, которому сами служили. Даже низкий доносчик Булгарин не докатывался до подобного! Но наши коллеги, оставшиеся в живых, – не каются, спокойно ходят в ЦДЛ, по аллеям Переделкино, где получили иудины дачи...

Стоило мне лишь упомянуть литераторов и вожделенные дачи, как на некоторых загорелась шапка. Да тут ещё и Лидия Григорьева ужаснулась: мол, не знала такого! Тут уж Кон-

По следам книги Геннадия Шиманова “Записки из красного дома”

Диссидентское движение в СССР во всем его многообразии еще ждет своего историка. Но можно быть уверенным, что фигура православного социалиста Геннадия Михайловича Шиманова (1937-2013), убедительно отразившаяся в изданном им самим одностомнике, не останется незамеченной. Оригинальный мыслитель, страстный и бескомпромиссный подвижник, искренний и яркий рассказчик, Шиманов в былые времена удостоивался персонального упоминания в статьях Вадима Кожина и митрополита Иоанна (Снычева), не говоря о множестве статей и книг, вышедших в 1960-1980-е гг. за рубежом. Однако сегодня его имя знают немногие даже в русском движении, в идеологах которого он числился еще в те поры. Почему же? На этот вопрос отвечает его книга.

Шиманов умудрился быть диссидентом среди диссидентов. И даже еще парадоксальнее: если вообще русские националисты представляли в диссидентском движении особую фракцию, своего рода изгоев (по-скольку основная масса диссидентов отличалась не только антисоветизмом, но и русофобией), то Шиманов резко противостоял главному – православно-монархическому – направлению изнутри этой фракции. Он, в первых, не был монархистом, а к кумиру русской фронды тех лет Николаю Второму относился сурово и нелицеприятно: “Всешутейшие соборы, великокняжеские бордели и помещичий разврат в усадьбах и вокруг усадеб завершились достойно безответственным и равным предательству отречением от власти Императора Николая Второго в минуту самую решительную для Русского Государства” (с.143). Во-вторых, он искренне исповедовал и проповедовал идеалы социализма, что для диссидента вообще было несвойственно. К тому же, православная оппозиция коммунистической теории и социалистической практике была одним из краеугольных камней диссидентства, а тут...

В действительности, сочетание православных идеалов с коммунистическими вовсе не нонсенс, а вполне естественное дело – так считает и доказывает Шиманов, перемножая одну утопию на другую в цикле “Десять статей о русском социализме”. Он убежден, что идеи социальной справедливости имеют корень в Евангелии и писаниях святых отцов. Вслед за Достоевским он указывает,

что “коммунизм произошел из христианства, из высокого воззрения на человека”.

Александр СЕВАСТ'ЯНОВ

ление к социализму, апология его.

Главный аргумент Шиманова – из сферы морали: “Что же касается социализма, то столь же очевидно, что в случае всеобщей нравственной Евангелизации социалистическая система достигла бы величайшего расцвета, ибо все стали бы добросовестно работать, справедливо распределять и умеренно потреблять. Ясно, что это привело бы к невиданному росту общественного богатства. Основное нравственное различие между капитализмом и социализмом как раз в том и состоит, что капиталистический способ производства экономически нуждается в грехе (алчности предпринимателей и развращенности потребителей), а социалистический способ производства экономически нуждается в добродетели (честность, бескорыстие, справедливость)”.

Однако, позволять, кто же строит на песке? Поскольку греха всегда в избытке, а добродетели в недостатке, получается, что социализм попросту нежизнеспособен, капитализм намного лучше учитывает природу человека, а потому и побеждает.

Увы, так оно и есть. Причина исторического поражения и христианства, и социализма – неверная трактовка Природы вообще и природы человека в частности. Грешит этим непониманием и Шиманов, когда берется рассуждать о человеке, его чувствах и стремлениях. Он, например, мечтает: “Альтернативой обществу эгоистов было бы такое общество, члены которого сознательно ограничивали бы свои личные и семейные материальные потребности действительно необходимыми и думали бы не столько о себе, сколько о Боге и Божьем мире. В этом случае они были бы открыты не к хищникам быстротекущей жизни, а к хищникам глубинам и вечным ее ценностям. И потому были бы здоровее духовно и телесно. И благоуханнее. В таком обществе людям было бы стыдно обладать внешними преимуществами перед другими людьми – и более вкусной пищей, и

более дорогой одеждой, и более богатыми домами, и всякими иными удобствами. В том обществе ценности бы не частные богатства и умение их нажить, а добрые дела и добровольная нищета, этот знак сокращения о совершенных грехах”.

Ясно, как божий день, что такого общества Шиманов нигде не видел и не увидит, но почему бы не помечтать!

Однако советский эксперимент доказал неопровержимо: массовый алтруизм может быть только принудительным. Он так далек от Бога, как ничто иное...

Философия Шиманова очень помогает нам понять суть социализма. Отбросить личную заинтересованность в результатах труда: вот чего, оказывается, требует прежде всего доктрина социализма. Именно этого добивалась от нас Советская власть, но так и не добила, потому что это противоречит природе человека. И тогда она включила фактор материальной заинтересованности, чем обрела себя на гибель, потому что это противоречит природе социализма.

Ратую за социализм, Шиманов, что характерно, предлагает нашему люлюмпенизированному народу избрать себе путь аскезы – жестокая штука! (Хорошо хоть, не предлагает трудовые армии.) Впрочем, социалисты всегда начинают гладью, а кончают гадью... Что, если прислушаемся к их рецепту?

Шиманов все верно говорит о бесправии русских, но как бы не замечать того, что бесправие – результат бессилия. А бессилие происходит именно от невладения деньгами, главной силой современности, и СМИ – второй по значению силой, производной от первой. Но, оказывается, и не надо стремиться к овладению деньгами – это не по-христиански. Капитализм – бяка, жидовская выдумка. Отрицая частную собственность, проклиная деньги и судный процент, православный социалист уподобляется индийским жрецам, заклинаящим своих воинов даже не прикасаться к огнестрельному оружию захватчиков-конкистадоров, чтобы не прогневать богов. И в этом – главный парадокс Шиманова. Если следовать его идеям, то у русских никогда не будет сил, а значит и прав.

Евреи отлично умеют выжимать из своих капиталистов деньги на общие

еврейские нужды. Пора и нам учиться. А еще бы лучше, коли русские капиталисты сами начали финансировать русское движение. Как объяснить, что Иван Калита нам сегодня гораздо нужнее, чем Иоанн Златоуст?!

Зато сам Шиманов отлично объяснил нам, на чем держится двойная утопия православного социализма.

Моделирование прошлого

Она жидется, с одной стороны, на неправильном понимании человеческой природы, а с другой – на тотальном неприятии этой непознанной и потому пугающей природы. И на вызванном этим страхом и неприятием стремлении сию природу переделать в корне: заведомо провальное намерение.

Шиманов ярко показал, что стремление к социализму – есть мечта о возврате в золотой век первобытной общины, где все “по справедливости”. Мечта, которая уже пять тысяч лет живет в человечестве, с момента массового социального расселения таких общин. Эта мечта неотделима от бытия дельта- и омега-групп (так называют их социологи: у православных своя терминология: труждающиеся и обремененные). Но она не может быть свойственна альфа- и бета-группам, поднимающимся над общим убогим уровнем жизни. А ведь, между тем, нация – это все вместе, сильные и слабые, умные и глупые, инициативные и инертные, богатые и бедные...

...Почему же мечта о социализме так живуча именно у русских? Потому что, хотя рабовладение в Древней Руси как таковое и было, но не было рабовладельческого строя, рабовладельческой цивилизации, как в Египте или Риме. Квазирабовладельческий строй возник у нас на базе феодализма только в XVIII веке (своеобразная историческая реверсия), очень поздно, и длился недолго. При этом рабами были не покоренные народы, как во всем мире искони положено, а свои же русские люди. А параллельно в низших классах всегда существовал строй общинный – в полном или редуцированном виде – даже до отмены крепостного права, а местами и до революции. После же революции он возродился в колхозах, совхозах и многообразных коммунах. Таким образом, наше запоздалое историческое развитие, слишком малый и слишком негативный опыт эксплуатации человека человеком, наше неумение поработать другие народы –

все это консервирует общинную психологию у русских, поддерживает тягу к вполне первобытному по сути социализму.

Однако! Ностальгия по общине, след которой столь свеж в памяти народа, может быть еще сильна в низших классах и даже в среднем классе. Но было бы ошибкой возводить эту тягу к социализму (“взять все и поделить”) в ранг национальной мечты.

Шиманов – справедливо! – представляет как величайшую опасность для нас “состояние гражданской войны в русском народе”, которая “не закончилась в 1921 году, а лишь изменила свою внешность, оказалась загнанной внутрь” (с.644).

Все верно. Но: если так сильно не хочешь гражданской войны – сейчас же перестань агитировать за социализм. “Кажись, это ясно”, – как говорил Пушкин.

Шиманов перестать не может. И напоминает при этом эскулапа, всем больным от всех болезней прописывающего одно средство. Коммунизма, либерализма, фашизма, демократизма, национализма – всем клистир: православный социализм!

Мечты доктора Шиманова о социализме сами по себе не страшны. Страшно другое – ложные жизненные установки, если они признаны в массовом масштабе.

“Свобода, равенство, братство. Вот без чего нельзя жить”, – признается Шиманов (с.593), и это его интимное признание зловеще. Самая зловредная ложь всех времен и народов: самый подлый обман, заливающий кровью весь земной шар; вся скверна мира, воплощенная в этом смертоносном заблуждении; то, с чем жить на самом деле нельзя, можно только быстро одолеть, – все это, оказывается, для Шиманова – идейный наркотик. Псевдооснова жизни. После этого, конечно, встает в тупик, как и о чем с ним говорить, спорить... Но, как видим, приходится.

.....

природе капитализма”, “Большие провозглашения (марксизм, гитлеризм и “Протоколы сионских мудрецов)” и др. Шимановскую статью о семье – “Гнездо человечье” – я издал бы массовым тиражом как учебное пособие, выдавал бы в ЗАГС всем подающим заявление на брак.

Есть и просто умные, хорошие мысли, например: “Нас приучили шарахаться от русского национализма, как от какой-то скверны. Нам продолбили голову, уча, что мы – державная нация, поэтому нам не к лицу свой русский национализм. Нам нельзя, подобно другим народам, заботиться в первую очередь о себе. Наш долг думать сразу о всех и заткнуть собою все дыры в общем деле, в котором русским не оставлено даже угла. Так воспитали нас наши враги, потому что именно в русском национализме правильное отношение русских людей к своему народу.”

Национализм – это любовь к своим, верность своим, работа на своих и защита законных интересов своих соотечественников. В национализме здоровое понимание основы всякой общности – деление людей на своих и чужих. Понимание того, что это деление и разное отношение к своим и чужим придумано не какими-то злоумышленниками, оно установлено Творцом. Любить заповедано не чужих, а своих, потому что люди в их нынешнем грехоподобном состоянии способны любить чужих, как правило, лишь за счет своих. По отношению к чужим достаточно справедливости и уважения, если они этого уважения заслуживают. Чужим можно даже помогать, если эта помощь не в ущерб своим. Но помогать чужим, когда они обворовывают и выживают из жизни твой собственный народ, значит соучаствовать в его убийстве...

Свои – это естественная и потому единственно здоровая духовная среда для всякого человека. В славянских языках само слово “свобода” происходит от корня, означающего “пребывание среди своих”. Поэтому разрушение твоего народа – это разрушение твоей свободы, разрушение твоего нравственного лица. У кого его нет, тому и горя мало. У того и нет заботы о своем народе. Но разрушение твоего народа – это прежде всего и больше всего духовная катастрофа для твоих детей, обреченных жить в больном мире и дышать его гнилым воздухом с самого их появления на свете. Кто этого не понимает, тот не понимает ничего...

(Полная версия – на сайте)